

Введение

Уже несколько лет как у меня появилась мысль о том, что надо написать воспоминания о моем детстве, а оно, конечно, связано с моей мамой, и рассказ мой я, главным образом, посвящаю ей. Сейчас на полках книжных магазинов все чаще появляются воспоминания об известных людях. Моя мама не принадлежала к ним, но, несмотря на это, была все же необыкновенным человеком. На ее долю выпала чрезвычайно тяжелая жизнь, но она сумела пройти по ней, никогда не падая духом. Ей дважды удалось спасти от верной гибели себя и своих детей. Первый раз – от сталинских лагерей, второй раз – от верной смерти во время немецкой оккупации. И мне кажется, что смогла она с этим справиться благодаря своему жизнелюбию, энергии, необыкновенной смелости и редкому дару располагать к себе людей.

Почему же лишь сейчас я решила взяться за перо? Причин этому много. Всю жизнь я старалась не вспоминать о своем детстве. Оно было настолько тяжелым, что воспоминания о нем мешали бы мне нормально жить, учиться и работать. Я, пожалуй, подсознательно старалась забыть те годы, поэтому в моей памяти осталось так мало деталей. Я плохо помню окружающую обстановку или ход событий, за исключением тех поворотных или критических моментов, когда меня охватывало чувство страха. Я вспоминаю их как отдельные кадры из старого, давно забытого кино.

Пару лет назад я работала на Международном Канадском радио и получала письма от радиослушателей. Однажды, открыв одно из них, – а это было письмо из Винницы, где прошло мое детство, – я вдруг начала плакать. Сидевшая рядом со мной коллега спросила меня: «Майя, что с вами?» А я, глядя на присланную мне открытку с видом этого города, неожиданно узнала то самое место, где шестьдесят лет тому назад поздним вечером я стояла и плакала от отчаяния и страха, так как мне некуда было деваться. Я уже тогда знала, что несколько дней тому назад немцы забрали и потом расстреляли в лесу под Винницей всю нашу семью, и только маме удалось бежать, но я не знала,

где она. Весь день я искала маму по всему городу у знакомых, но так и не нашла ее. Становилось темно, и мне некуда было деваться. Но об этом я расскажу подробнее дальше, а здесь я лишь привела это как пример о том, какие моменты остались в моей памяти.

Молодость моих родителей

Прежде всего я хочу рассказать о моей маме, ее юности, замужестве, благополучных 20-х и начале 30-х годов, а затем об обрушившихся на ее жизнь двух катастрофах. Первая – арест в 1937 году моего отца, вторая – война и немецкая оккупация. Но начну по порядку.

Моя мама, Зинаида Моисеевна Брик (это ее девичья фамилия) родилась в Украине в городе Виннице в небогатой еврейской семье, в которой было десять детей. Мама была третьей по счету. До революции мой дедушка Моисей Брик занимался торговлей, имел магазин, к тому же, кажется, не один. После революции ему пришлось расстаться с торговлей. Дедушка занялся садоводством. Более того, именно в нем-то он и нашел свое настоящее призвание. Дедушкин сад славился на всю околицу, т.е. на весь Старый город. Это был пригород Винницы, лежавший по другую сторону Южного Буга. В те времена Винница была небольшим городом. Когда-то там проживало много евреев, и недаром один из районов города так и назывался – Иерусалимка. Даже я еще помню, как до войны на окраинах города на скамейках у своих бедных домов сидели бородатые старики и обсуждали свои проблемы. Мой дедушка как раз и родился в Иерусалимке, но потом, заведя семью, перебрался на Старый Город. Винницу омывает река Южный Буг, и город лежит в ее излучине. По другую сторону реки и расположен Старый город. До войны это была утопающая в садах деревня. Я помню, там было много маленьких глиняных хаток с соломенными крышами. Но у моего дедушки был приличный, один из лучших в округе, кирпичный дом под железной крышей, а главное – огромный сад. Все деревья в нем он посадил собственными руками. Летом чуть ли не с самого рассвета дедушка уже был в саду. Он без конца занимался прививками и выращивал самые разнообразные сорта фруктов. Мне и сейчас кажется, что таких ароматных, сладких и сочных фруктов я нигде потом не ела.

Моя мама выросла на Старом городе. Жили там в основном украинцы, и общалась мама, конечно, с местной украинской молодежью. Как пишет в своих воспоминаниях мамин старший брат Аркадий, она даже одевалась как местные крестьянские девушки. Мама была чрезвычайно общительным человеком. И даже если бы она жила в еврейском окружении, то, скорее всего, ей стало бы в нем тесно, и она так или иначе вышла бы за его пределы. В отличие от своих сестер и братьев, которые получили высшее или, по меньшей

мере, среднее образование, мама закончила лишь четыре класса начальной школы. Иногда, как бы с чуть виноватой улыбкой, она объясняла мне это тем, что должна была помогать бабушке в его магазинах. Он считал ее самой способной и пригодной для такого дела. Недостатки школьного образования ей возместила любовь к чтению. Мама рассказывала мне, что еще в детстве она пряталась на чердаке и читала там книги, так как бабушка всегда находил для нее более важные занятия. Любовь к книгам она сохранила на всю свою жизнь. Возможно, поэтому мама всегда была равноценным партнером в дискуссиях с весьма образованными людьми. И особенно она любила обсуждать политические вопросы. Но интерес к политике появился у нее, наверное, позже, вместе с революцией, которая резко изменила ее жизнь.

Мама мне никогда не рассказывала о своих юношеских годах. Может быть, потому, что я ее об этом, к моему великому сожалению, и не спрашивала. Об этом периоде ее жизни мне рассказал мой брат Леонид. Он был старше меня на 9 лет, обожал отца и чтит его память. Когда во времена горбачевской гласности стали доступны архивы, Леня много времени проводил в библиотеках, собирая документы, свидетельствующие о деятельности нашего отца и прежде всего о трагических обстоятельствах его смерти. Незадолго до смерти Лени (он умер 11 февраля 2002 года в Израиле), я попросила его рассказать мне о нашем отце, которого я едва помню. Брат записал на магнитофонные кассеты рассказ о нем, о нашей маме и вообще о нашей жизни в те годы. Так что все, о чем я здесь буду рассказывать, вплоть до ареста моего отца, я и почерпнула из его воспоминаний. Мой брат, как и многие люди его поколения, до конца своей жизни верил в благородные идеи коммунизма, а все несчастья, которые он принес, связывал с личностью Сталина.

Так вот, с революцией маму связало знакомство с моим отцом. В 1916 году, во время Первой мировой войны, в доме моего бабушки, очевидно, потому что это был один из самых приличных кирпичных домов на Старом городе, расквартировали солдат. Среди них оказался и мой будущий отец Григорий Давыдович Ракитов. Очевидно, тогда он и обратил внимание на мою маму. Уже в то время мой отец был убежденным большевиком, а в дальнейшем стал одним из трех организаторов большевистского переворота в Виннице. От рабочих был Старогородский, от студентов – Снегов и от военных – Григорий Ракитов. Это был его псевдоним. Настоящая фамилия отца Рабинович. Об этом я узнала, когда мне было шесть лет. Мой отец родился 24 февраля 1894 г. в Бессарабии в маленьком городке Бричаны. Согласно официальной автобиографии его отец был извозчиком, но я в этом не уверена. Во всяком случае, в отличие от семьи моей мамы, это была, наверное, религиозная еврейская семья, в которой сохранялись еврейские обычаи, ведь не случайно же отец учился в хедере. Он был очень прилежным и способным учеником и уже в 12 лет давал частные

уроки детям из богатых семей. Подрабатывал он таким образом и позже, в юношеские годы. Что же склонило юношу из религиозной еврейской семьи стать революционером? Когда отцу было 10 лет, он был свидетелем еврейского погрома в Кишиневе. Ему с его отцом удалось его пережить. Ожидали такого погрома и в Бричанах, но рабочие железнодорожных мастерских станции Окница до него не допустили.

Тогда-то, по-видимому, этот отзывчивый и впечатлительный мальчик и решил, что посвятит свою жизнь «борьбе за рабочее дело». Но вернемся к детству отца. В 1912 году он приезжает в Кишинев, где пытается продолжать учебу. И там он зарабатывает на жизнь, давая уроки. Именно в Кишиневе проявились его левые убеждения, и папа примкнул к Бунду. Как рассказывал мой брат, он узнал об этом, наткнувшись на биографию отца в ящике его письменного стола, куда он заглядывал, чтобы стащить папироску.

В 1913 году мой отец уезжает в Одессу. Ему было девятнадцать лет, и он пытался поступить в университет, что в те годы для еврея было совсем не легким заданием, ведь для них существовала процентная норма. Для этого ему надо было сдать экстерном экзамены за гимназию, с чем он успешно и справился. Но в университет отца все же не приняли, и он становится лишь вольнослушателем. Вместо университета в 1913 году отец вступает в партию большевиков. В 1914 году начинается Первая мировая война, и отец возвращается в Бричаны. В армию его не взяли, так как он был болен туберкулезом. Это, кстати, был не единственный случай этой болезни в его семье. Но в 1916 году отца все же берут в армию и с 512-й Вятской дружиной направляют в Винницу. Там он вскоре становится членом солдатского комитета и в октябре 1917 года участвует в борьбе с юнкерами. Отец входит в тройку по руководству восстанием в Виннице и после установления советской власти становится членом президиума облисполкома. В начале 1918 года Винницу захватывают петлюровцы, и отец уходит в подполье. В этом же году ЦК Украины направляет его в Одессу. Вот тогда-то папа поступает в университет и становится руководителем подпольной студенческой организации «Спартак». Этот период одесской жизни был полон приключений. Тогда же отец знакомится с Котовским, и, как пишет мой брат, папу звали Гриша-худой, а Котовского Гриша-толстый. После освобождения Одессы папа становится казначеем города и комиссаром университета. В марте 1919 года, когда к Одессе вновь приближаются белые, там организуется 45-я дивизия. В ее состав вошли в основном выходцы из Бессарабии. Командиром дивизии стал Иона Якир, начальником штаба – Гарькавый, комиссаром – Гринштейн, а папа был назначен замначальника политотдела. Но вскоре папа становится комиссаром дивизии и проработает на этом посту до 1921 года.

В этот период у него вновь открывается туберкулезный процесс, и ему приходится уйти из армии. Однако это не значит, что отец прекратил свою революционную деятельность. ЦК компартии Украины направляет его в Винницу для борьбы с «бандами». Вместе с отцом в Винницу направляют и Леонида Михайловича Заковского. В 45-й дивизии он был начальником особого отдела. Папа становится председателем губревкома, а Заковский – начальником губчека. Они снимают комнату в доме нашего деда. Мама была веселой и бойкой девушкой, любила танцевать и хорошо пела, – пишет мой брат, – и оба они в нее влюбились. По ее словам, Заковский был веселый, тоже любил танцевать, петь, в общем, был более интересным мужчиной, но мама отдала предпочтение папе. Позже, на вопросы моего брата, почему она выбрала папу, она отвечала, что наш отец был более положительным и надежным человеком. И как пишет далее брат, жизнь это подтвердила. После убийства Кирова Сталин назначает Заковского начальником НКВД в Ленинграде, и он проявил себя на этом посту как жестокий палач.

Так вот, мама отдала предпочтение папе, и они поженились. И тут я должна прервать рассказ о дальнейших событиях. Дело в том, что мой дядя Аркадий – старший брат моей мамы – оставил подробный рассказ о многочисленной семье Бриков. В нем он, конечно, упоминает и о нашей маме, но, к сожалению, вкратце, так что трудно события распределить точно во времени. Однако в его воспоминаниях знакомство моей мамы с моим отцом выглядит несколько иначе. «Как-то в нашем доме, – пишет дядя Аркадий, – расквартировали солдат местного гарнизона. Среди них был солдат-еврей Григорий Ракитов, который всячески старался заслужить внимание Зины. Наступили дни Октября. Ракитов с головой ушел в борьбу. Вскоре он оказался в рядах 45-й дивизии, где занял пост комиссара. Дивизия боролась на многих фронтах Украины и часто в пределах Подолии. В один прекрасный день Зина уехала с Ракитовым и стала соучастницей его походов. Винница в это время переходила из рук в руки. Красную армию сменяла белая, белую – петлюровцы или другие банды. Порой мы завтракали при одном правительстве, а спать ложились при другом. Утром действовала одна валюта, а к вечеру ее заменяли другие, такие же пустые бумажки. Когда 45-я дивизия вновь заняла Винницу, решили отпраздновать свадьбу. Вечером к нам приехали Якир с женой, начальник штаба Гарькавый и другой состав. Свадьба протекала скромно, но тепло. Гости вскоре разъехались». Вот так вспоминает дядя Аркадий замужество моей мамы. Даты не совсем ясны, но из этого рассказа явно следует, что мама последовала за моим отцом еще до их свадьбы. В те времена, и особенно в патриархальной еврейской семье, такой поступок наверняка расценивался, мягко выражаясь, как очень смелый.

Возвращаясь к Леониду Заковскому, о котором Леня пишет как о жестоком палаче, помню, как мама рассказывала, что после ареста отца в Курске один из ее старых друзей, занимавший в 1937 году высокий пост в НКВД, позвонил ей и предупредил, что в течение суток она должна исчезнуть из Смоленска, что мама и сделала. Кто его знает, возможно, это и был Заковский.

Итак, если придерживаться версии Лени, то мои родители поженились в 1921 году. Первое время отец мой работал в Виннице. Потом отца направляют в Полтаву, где он занимает пост первого секретаря губкома. Там в августе 1922 года родился мой брат Леня. В Полтаве мои родители жили до 1926 года, после чего отца переводят в Калугу, где он избирается на пост первого секретаря губкома. Брат уверяет, что он уже хорошо помнит это время. Ему запомнилось, что мама была очень веселой, часто смеялась и постоянно пела. У нее был очень хороший голос – мягкое и вместе с тем звучное контральто. Помню, как она часто пела в гостях или на вечеринках, а в то еще безоблачное для нее время и дома. Мама выросла в украинской деревне, и в ее семье все любили петь. Помню, что ее коронным номером, который она часто исполняла на вечеринках, был романс «Пара гнедых...». Но мама была не только человеком общительным, она была еще очень энергичной. Ее никогда не привлекала роль домохозяйки. Уже в Калуге, как только Леня немного подрос, мама стала работать.

Смоленский период

В 1929 году мой отец получает новое назначение – на этот раз в Смоленск. В том году в СССР ввели новый административный раздел: вместо губерний образовали области. Бывшие Брянская, Псковская, Калужская, часть Тверской и Смоленская губернии вошли в Западную область. Ее территория растянулась на 700 км с севера на юг и на 500 км с востока на запад. Моего отца назначают вторым секретарем обкома партии. В своих воспоминаниях Леня отмечает, что Андреев якобы хотел назначить папу первым секретарем, но Сталин возразил и распорядился, чтобы на эту должность был назначен Иван Петрович Румянцев. Мотивировал он это тем, что Румянцев принадлежит к партии большевиков с 1904 года, а наш папа всего лишь с 1913-го. Но, как считает мой брат, настоящая причина была якобы в том, что Сталин не мог простить отцу того, что он в свое время приютил в Калуге попавшего в опалу Каменева и его семью. Практически папа стал третьим человеком в Западной области. Иван Петрович Румянцев – первый секретарь, Илья Шелехес – председатель облисполкома, папа – второй секретарь обкома. После того как Илью Шелехеса в 1933 году назначили секретарем Киевского обкома партии, наш отец был назначен на его место председателем облисполкома Западной области.

Семья Бриков в саду у бабушки на Старом городе (Винница, лето 1931 г.). В центре – бабушка с дедушкой (Сима и Моисей Брик). Верхний ряд, вторая слева – тетья Соня Перельман. Бабушка, тетья Соня и ее две внучки Виточка и Ингочка Лернеры, дочери Дифы Лернер (нижний ряд, первая слева) расстреляны, в лесу под Винницей в конце сентября 1941 г. Дедушка и муж тети Соии – Адя Перельман (слева от нее) повесились: бабушка через неделю, Адя через два месяца после расстрела винницких евреев.

Мой брат считает, что смоленский период был главным в жизни нашей семьи. Очевидно, он его уже хорошо помнил, к тому же это были единственные счастливые годы в его жизни и, наверное, в жизни моих родителей. Я смоленский период нашей жизни помню очень плохо, ведь когда в июле 1937 года арестовали моего отца, мне было всего шесть лет. Описывая этот период жизни, мой брат часто подчеркивает, насколько разными были характеры моих родителей. Я, к моему большому сожалению, почти не помню моего отца. Это, пожалуй, отчасти объясняется тем, что он мало бывал дома. Так что все, что здесь будет сказано о моем отце, я почерпнула из слов моего брата. Он боготворил отца, и его арест и смерть отрицательно сказались на дальнейшей жизни брата. Отец наш был до крайности щепетильным, можно

даже сказать, аскетичным в повседневной жизни. Он не позволял ни себе, ни своей семье пользоваться его положением. Всю свою жизнь он посвящал работе. Жене же и детям уделял очень мало времени, а возможно, и внимания. И думаю, что его трудно в этом обвинять. Ведь весь стиль работы руководства в те годы был именно таким. Ответственный работник возвращался обычно домой не раньше часа ночи. Так что те обязанности, которые лежали на его плечах, да и те нелегкие годы, в которые он жил и работал, полностью поглощали его время и мысли. А мысли эти, наверняка, были не веселыми. Думаю, что задолго до ареста отец отдавал себе отчет в том, что созданная в СССР система далека от той, за которую он боролся и мечтал осуществить в молодости. Сознание этого не располагало к жизни в свое удовольствие, и мой отец не позволял себе ни малейшей роскоши. Носил в основном гимнастерки и шинель, а ведь давно уже не был военным. Мне как раз и запомнилась эта шинель и папина борода.

Отпустил он ее еще в 1919 году, будучи комиссаром 45-й дивизии. А было это так: его дивизия вместе с 52-й дивизией попала около Одессы в окружение. Причем окружение было настолько глубоким, что надо было пробиваться на расстоянии около 400 км, т.е. от Одессы почти что до Киева. Этот поход назвали Южным походом. Комиссаром 52-й дивизии был Ян Гамарник. Так вот они с папой дали себе слово, что пока не выйдут из окружения, они бриться не будут. А потом решили вообще не бриться и остались бородатыми. Вот такова история папиной бороды.

Я с братом Леной (Смоленск, 1933 г.).

Щепетильность отца проявлялась не только в том, что он сам отказывался от многих земных благ, но считал, что и его семья должна жить скромно. После приезда в Смоленск мы сначала жили в двух комнатах коммунальной квартиры. Другие две комнаты занимала семья детского писателя Чикина.

Жили мы там около года, а когда в этом же доме освободилась трехкомнатная квартира, мы в нее переехали. На этом доме уже после реабилитации отца была установлена мемориальная доска. И лишь в 1935 году мы переехали в большой, комфортабельный особняк.

На этот переезд отец согласился не только под давлением мамы, но и своего окружения, которое не раз высказывало мнение о том, что Ракитов должен жить в более приличной квартире. Этот особняк, состоявший из шести комнат, занимал комкор Семен Константинович Тимошенко, которого переводили в Киев (Тимошенко в 1935 г. назначили зам. командующего КВО. – Прим. ред.), и теперь он предназначался для командующего войсками

Я с мамой на даче под Смоленском (лето 1934 г.).

Белоруссии и Западной области Иеронима Петровича Уборевича. Он жил в Смоленске один, его семья оставалась в Москве, где жена работала. Он-то и уговорил моего отца переехать в эту виллу, а сам занял квартиру, которая вначале предназначалась для нашей семьи, в доме вместе с первым секретарем обкома Иваном Петровичем Румянцевым. Уборевич дружил с Румянцевым и, очевидно, отец поэтому и согласился на такой обмен. Я уже немного помню этот дом с садом, куда ко мне приходили подружки. Кстати, я хорошо помню Уборевича. Возможно, потому, что он уделял и мне, и Лене много времени. Помню, например, что во время наших поездок в Вольнерово (так называлась дача, на которую в воскресные дни приезжали отдыхать ответственные работники) Уборевич сажал меня к столу возле себя и говорил официанту: нам с Майечкой принесите, пожалуйста, картошку в мундирах. То, что я предпочитала картошку в мундирах, вполне понятно. В детстве я плохо ела, а такие дети охотно едят лишь то, что им хорошо знакомо. Но почему Уборевич и для

себя заказывал картошку в мундирах, мне до сих пор непонятно. Возможно, со мной за кампанию. В своих воспоминаниях Леня рассказывает, что в том же Вольнерово Уборевич часто подолгу беседовал с ним. Возможно, Уборевич скучал по своей семье, а может быть, просто любил детей. Брат утверждал, что эти беседы оказали на него большое влияние, и, пожалуй, поэтому он и стал артиллеристом.

А отец нам уделял меньше времени еще и потому, что был очень занят и всю свою энергию и внимание отдавал заботе о чужих людях. Косвенное подтверждение его чуткого отношения к людям я нашла и в так называемых «смоленских архивах». Несколько лет тому назад я взяла в библиотеке монреальского университета Мак-Гилл несколько книг по истории, написанных на основе этих архивов, которые были захвачены немцами во время Второй мировой войны, затем попали в руки американцам и лишь недавно были возвращены России. В этих работах приводятся копии документов из смоленских архивов. Среди них многочисленны заявления или жалобы частных граждан на местную власть. Так вот, на многих из этих прошений стоит резолюция отца с указанием удовлетворить просьбу их авторов.

Мама же реально смотрела на жизнь и упрекала отца в том, что он не заботится о материальном благополучии своей семьи. После переезда нашей семьи из Калуги в Смоленск мама сразу же начала работать. Она заведовала столовой Высшей партийной школы, где учились коммунисты, направленные из разных районов Западной области. Маме было тогда чуть за 30 лет, она была очень энергична, обладала незаурядными организаторскими способностями, и смоленский период позволил ей проявить эти черты. Правда, перед моим рождением мама ушла с работы. Но долго дома не задержалась. Через месяц после моего рождения у нас в доме появилась няня. Это была деревенская девочка лет пятнадцати, звали ее Нюра. Она оказалась очень понятливой, и мама быстро научила ее всем делам по хозяйству. Нюра заняла важное место в моей жизни и стала преданным другом нашей семьи. Помню, что я жила с ней в одной комнате. Она была очень привязана ко мне, и я отвечала ей взаимностью. Я, как мне говорили, спокойно относилась к отсутствию мамы, но когда уходила Нюра, то поднимала страшный рев. А когда мы после ареста отца уезжали из Смоленска, Нюра с ее мужем были единственными людьми, провожавшими нас на вокзал. В это время она уже у нас не работала, так как за год до этого вышла замуж за милиционера, охранявшего наш дом.

Я также помню, что к нам домой часто приходили делегации с фабрик или заводов и приносили подарки, но ни один из них не оставался у нас дома. Все подарки тут же отправлялись или в детские дома, или в больницы, или в какую-либо другую организацию. Папина скромность зачастую раздражала маму. Вот один из примеров, который описывает Леня. Однажды, в выходной

день приезжают к нам двое мужчин с большущим чемоданом из фабрики по выпуску аккордеонов и баянов. Это были руководители фабрики, которые привезли нам в подарок аккордеон, так как папа очень опекал создание этого предприятия. Они вошли и сказали, что хотят показать свою первую продукцию, вынули из футляра красивейший аккордеон с металлической табличкой с надписью «Дорогому Григорию Давыдовичу Ракитову». «У меня тут же загорелись глаза, – пишет далее Ляня, – но я не надеялся, что папа его примет. Однако, вопреки моим ожиданиям, папа поблагодарил и взял этот подарок. Они уехали, а я рванулся к аккордеону, но папа меня остановил и сказал своему водителю: “Возьми эту игрушку и отвези ее в детский дом”. Я залился слезами, мама стала меня защищать и упрекать отца в том, что он зря играет на нервах у ребенка». А вот еще один пример шепетильности отца, о котором рассказал Ляня. «В январе 1937 года отмечалось столетие со дня смерти Пушкина. В моей школе проводился по этому поводу маскарад. Наша учительница взяла меня, моего товарища и еще двух девочек из нашего класса, и мы пошли в театр за костюмами. Мы связали полученные нами костюмы в узлы, но их было много, и нам тяжело было их тащить. Я решил позвонить из театра в гараж к папному шоферу, его фамилия была Лопатов, он был также заведующим гаража, и сказал ему, что мы получили костюмы для школы, но нам их не дотащить. Я спросил его, не поможет ли он нам. Лопатов ответил: никаких проблем, и тут же приехал за нами. Мы погрузили эти узлы, и он отвез нас в школу. Через несколько дней папа, как обычно, поздно вернулся с работы, вошел в мою комнату и разбудил меня. Это было около часа ночи. Он схватил меня за воротник рубахи (а надо отметить, что папа никогда меня не бил), долго тряс меня и кричал за то, что я позволил себе вызвать машину. Ни я, ни мама не имели права этого делать. На машине мы ездили только в чрезвычайных обстоятельствах либо вместе с папой».

Арест отца и выезд из Смоленска

В начале мая 1937 года отца переводят на работу в Курск на должность председателя облисполкома. Его назначение было несколько неожиданным, и мы с мамой и братом пока остаемся в Смоленске. Каждый день отец звонит нам из Курска. И там, и в Смоленске уже начались аресты. 18 июня арестовывают Румянцева, и мама, понимая, что наступает критический момент, срочно едет к отцу, чтобы обсудить с ним происходящие грозные события и решить вопрос о нашем переезде в Курск. Потом мама рассказывала, что папа был потрясен арестами как в Смоленске, так и в Курске. Мама считала, что и отца могла постигнуть такая же судьба, но он якобы не опасался ареста, так как не чувствовал себя ни в чем виноватым. Мама вернулась через два дня в Смоленск, и тут же началась упаковка вещей. Ляня, как и все окружающие, считал, что

мама готовится к переезду в Курск. Помогать ей в этом приехала из Винницы ее старшая сестра Соня. 2 июля мама отправила отцу телеграмму, что 4-го мы выезжаем в Курск. Мама еще не знала, что его арестовали 3 июля. 4-го утром нам приносят телеграмму: «Везд в Курск отложите. Лазарев». Телеграмму нам отправил телохранитель папы. Мама сразу поняла, что случилось, и тут же начала энергично упаковывать вещи. Через несколько часов подъехал грузовик и мы, т.е. мама, Леня, тетя Соня и я, отправились на вокзал. Провожала нас лишь моя бывшая няня – Нюра. Расставаясь с нами, она прижала меня к себе и расплакалась. Поезд тронулся, и через два часа мы были в Орше. Там мы вышли из вагона и купили билеты в Винницу, где жили мамины родители. К вечеру мы прибыли к месту назначения. На вокзале нас встречал дедушка, и, как вспоминает мой брат, он впервые увидел, как мама плачет, когда она оказалась в его объятиях. Леня приписывал это тому, что мама якобы не очень любила нашего отца, но я с ним не согласна. Это, скорее всего, был первый момент, когда она позволила себе немного расслабиться. Ведь после ареста

Мой отец Г.Д. Ракитов. Снимок воспроизведен из газеты, т.к. родственники боялись хранить фото «врага народа», а семейный архив с остальным имуществом пропали во время войны.

отца ей надо было спасать себя и своих детей от ссылки в лагеря, а не впадать в отчаяние. Мама и в тот момент своей жизни нашла в себе энергию и умение действовать.

Отца арестовали в Курске 3 июля, в тот же день, когда его назначили секретарем облисполкома. В справке о его реабилитации, которую мы получили в 1956 году, было сказано, что отец умер в январе 1940 года, а место смерти неизвестно. Но когда уже были доступны документы его дела, то выяснилось, что отец был расстрелян 29 октября 1937 года на Лубянке. И как это ни жестоко звучит, я тогда подумала, что, может быть, это и лучше, чем если бы он мучился до 1940 года. Но и так, конечно, эти месяцы, которые отец провел на Лубянке, были трагическими. Теперь мы знаем, как там обращались с заключенными и какими методами добивались у них признания своей вины. Мой брат

познакомился в 70-х годах в Ленинграде с человеком, который работал в то страшное время секретарем Военного суда. Звали его Яков Зиновьевич Вольшонок. Он вел протоколы и хорошо помнил 29 октября, так как в этот день судили и расстреляли многих крупных деятелей СССР. Он спросил моего брата: а как выглядел ваш отец? Леня сказал, что папа носил бороду. На это Вольшонок ответил, что бороды всем сбрасывали во время ареста, и он не помнил суда над нашим отцом. В этот день судили около ста человек. Каждого в отдельности. На каждого подсудимого приходилось по 3–4 минуты. За это время надо было каждого привести из подвала, проверить его данные, спросить, признает ли себя виновным, и затем прочитать приговор. Это был конвейер смерти. Никто, конечно, на суде никого не слушал, никаких адвокатов не было. Зачитывали заранее написанный приговор и вводили. Подсудимых в эту же ночь расстреляли на Лубянке. Отец наш похоронен на Донском кладбище.

А теперь возникает вопрос: как же нам удалось уцелеть? Ведь в середине 1937 года был принят указ о членах семей изменников Родины. По этому указу совершеннолетние члены семьи, а к ним причислялись лица не с 18-ти, а с 16-ти лет, получали по 8 лет тюрьмы, а несовершеннолетние отсылались в детские дома специального назначения. «Все, кто мне известен, – пишет далее Леня, – жена и дочери Уборевича, дочь Румянцева – попали в тюрьму, а его сын Шура был расстрелян. Шильман и его жена также были расстреляны. А мы избежали этой участи. Моя мама до самой смерти считала, что ей удалось обмануть НКВД. Все в Смоленске думали, что мы поехали в Курск, а на самом деле мы поехали в Винницу. Смоленское НКВД считало, что нами займется курское, а курское оставило нас смоленскому. Так считала мама. Может быть, с этим и были связаны наши бесконечные переезды из Винницы в Одессу, из Одессы в Винницу. Но, как далее объясняет мой брат, нас оставили в покое по другой причине. В 1988 году ему удалось посмотреть дело отца. У папы было два дела: следственное и судебное. И на следственном деле, на папке, была надпись: «Закон о ЧСИР не применять». И подпись замнаркома Заковского. Он сделал эту пометку, еще будучи заместителем Ежова. Возможно, Заковский так поступил, поскольку был в молодости влюблен в маму. И несмотря на то, что через полтора года он тоже был расстрелян, его магическая подпись осталась в силе, и нас не трогали. Это нас и спасло, иначе наши судьбы были бы совершенно другими.

Винницкий период

Итак, мы из Смоленска прибыли в Винницу. В доме бабушки в то время была лишь одна свободная комнатка, пристроенная к кухне. Там мы сначала и поселились. В доме не было ни водопровода, ни канализации. Оказаться в таких условиях после жизни в особняке было, наверное, для мамы и брата

не так-то просто. Мне же было тогда всего 6 лет и особого неудобства я не испытывала. К тому же это был июль, и жизнь на Старом городе протекала в основном во дворе или в саду. Но в Виннице мы задержались ненадолго. Мама боялась прописываться и опасалась, что власти будут прежде всего искать ее у родителей. И мама решила переехать в Одессу, где тогда жил ее старший брат Аркадий и две младшие сестры – Нина и Бетя. У брата уже была семья, а сестры были еще студентками и снимали маленькую комнатку, размером порядка 8 кв. метров. Аркадий был инженером, жил в приличной квартире, но поселились мы у Нины с Бетей. Теперь даже трудно представить, как мы все там укладывались спать? А тут еще, как бы не хватало хлопот, и я заболела. Ко мне пришел врач, но не вызванный из поликлиники, а кто-то из близких или знакомых, ведь мама боялась, чтобы нас не обнаружили в Одессе. Потом мне сказали, что этот врач, по фамилии Рабинович, был родным братом моего отца. Тогда-то я и узнала свою настоящую фамилию. Врач, т.е. мой дядя, сказал, что я заболела скарлатиной, и меня необходимо срочно отправить в больницу, что и было сделано, очевидно, с его помощью. Между прочим, это был единственный родственник со стороны моего отца, которого мне удалось встретить. О семье отца мне до сих пор ничего не удалось узнать. Мама мне никогда о ней не рассказывала, а отец, возможно, не поддерживал с ней отношения, так как его родственники жили в Бессарабии, которая тогда принадлежала Румынии.

В одесской больнице меня положили на койку, на которой до этого лежал ребенок больной корью, так что в дополнение к скарлатине я заразилась и корью. Обе эти болезни вызвали воспаление ушей, и врачи сказали, что мне необходимо сделать трепанацию черепа. Помню, как моя несчастная мама стояла у окна палаты, в которой я лежала, она была на первом этаже, смотрела на меня и плакала. Я редко видела слезы на глазах моей мамы даже в очень трудные минуты ее жизни, но тут на нее свалилось непосильное бремя. Мало того, что она находилась на нелегальном положении, и ей угрожал арест и ссылка, так один ребенок чуть ли не при смерти, а второй бросил школу и работает грузчиком в одесском порту. Лене было тогда 15 лет.

А вот как мой брат вспоминает мое пребывание в больнице. «Я каждый день приходил к этой больнице и видел твою остриженную голову и печальные глаза. Ты мне махала рукой. Я приносил тебе апельсины, которые добывал в одесском порту. Их привозили испанские суда. В Испанию на них увозили людей, оружие, а оттуда привозили апельсины. Сначала я их покупал у людей, которые их там воровали, а потом подумал, чем я хуже и тоже стал их воровать». Вот так моему брату запомнилась моя скарлатина.

К счастью, воспаление ушей прошло без операции, я выздоровела и вышла из больницы. Как я уже упоминала, мой отец никогда не придавал

значения материальному положению нашей семьи, и маминых сбережений хватило всего лишь на пару месяцев. А жить ведь как-то надо было. И мама устраивается в Одессе на работу буфетчицей в школе. Меня, конечно, девать было некуда, так как мне было семь лет, а в школу в то время принимали с восьми. Но мама, очевидно, упросила директора, и меня приняли, хоть учебный год уже был в разгаре. Помню, как привели меня в 1-й класс, посадили за парту. И если обычно у детей первый день в школе вызывает радостные воспоминания, то о себе я этого сказать не могу. У меня не было ни книжек, ни тетрадей, с детьми я была не знакома и чувствовала себя очень неловко. Но читать и считать я умела уже и до школы, так что с учебной справилась, и постепенно все вошло в свою колею. Настали летние каникулы, и опять возник вопрос: что же со мной делать? К тому времени мы жили в малюсенькой комнатухе, которую мама снимала в одном из самых трущобных районов Одессы. В пионерские лагеря брали детей с третьего класса. Но мама попросила свою знакомую, которая работала поварихой в пионерском лагере на берегу Черного моря, взять меня к себе. Пребывание в этом лагере мне хорошо запомнилось. День я проводила вместе с остальными детьми, а вот ночью я должна была спать вместе с этой женщиной. Она укладывала меня к стенке и слегка отодвигала кровать, так что я зависала между стеной и кроватью и всю ночь судорожно цеплялась за простыню, чтобы не упасть в эту щель. Еще помню, что одна из старших девочек решила научить меня плавать. Причем применила известный метод: вынести ребенка на глубокое место, и он сразу поплывет или утонет. Так она и сделала, но я, к сожалению, не проявила способностей к плаванию, а стала тонуть. Хорошо, что около нас оказался мальчик, который умел плавать, и он меня дотащил до берега. Вот такие были мои первые каникулы в пионерском лагере.

В 1939 году мама получила извещение о том, что отец присужден к десяти годам заключения без права переписки. Тогда мы еще не знали, что это означает расстрел. Жилищные условия в Одессе у нас были невыносимые, и мама решила вернуться в Винницу.

После двух лет скитаний мы уже стали вести там более оседлый образ жизни. Мама устроилась завхозом в детском саду, я ходила в школу, а Леня также устроился на работу. К большому сожалению, он бросил школу. Арест отца и последующие за этим печальным событием скитания выбили его из колеи, а маме было не под силу заниматься его воспитанием. Ведь сначала ей надо было уберечь нас перед катастрофой, а потом прокормить. К счастью, вопрос жилья в Виннице был разрешен довольно просто. Мы жили у дедушки. У него был довольно большой и благоустроенный по тем стандартам дом: кирпичный, с железной крышей, деревянными полами, но, как все на Старом Городе, без водопровода. За водой надо было ходить к колодцу, а в туалет и зимой и летом

в сад. Может быть, поэтому я стала закаленной и очень редко простужаюсь.

В дедушкином доме было две квартирки, каждая из двух комнат. В одной жил один из сыновей дедушки – Боря с женой и сыном Шуриком, который был на два года младше меня. Это был единственный из десятерых детей дедушки, оставшийся на Старом Городе. Вторую квартирку занимали дедушка с бабушкой. Когда мама получила извещение из Москвы о том, что наш отец осужден на 10 лет без права переписки, мы смогли прописаться и остаться в Виннице. Мамины родители уступили нам свои две комнаты, а сами поселились в пристроенных сзади к дому кухне с маленькой комнатой. Вход в эту пристройку был отдельный со стороны сада. Я так подробно останавливаюсь на расположении дома потому, что это обстоятельство и помогло мне уцелеть во время войны. Наша жизнь в Виннице, по сравнению с предыдущими скитаниями в Одессе, стала более-менее нормальной. Я пошла в третий класс русской школы. Поскольку на Старом Городе была только украинская школа, а русская находилась в другом конце Винницы, мне приходилось топать через весь город, а в дождливую пору года хорошо месить грязь. Мои дедушка и бабушка, как и большинство жителей Старого Города, говорили на украинском языке. Они, конечно, говорили и на идиш, но в основном между собой, иногда со своими детьми. Ведь на Старом Городе евреев не было. Там жили в основном украинцы, и я от своих подружек быстро научилась говорить по-украински. Но родным моим языком, конечно же, оставался русский.

Летом на Старом Городе были прекрасные условия для отдыха детей: фруктовые сады, речка Южный Буг – в общем, как на даче. Поэтому неудивительно, что мои тети и дяди, а их было вместе с моей мамой десять человек, привозили на лето своих детей к дедушке и бабушке. Так что жаловаться на одиночество мне не приходилось. Помню, когда дедушка варил в самоваре для своих внуков кукурузу, мы с тарелками в руках выстраивались в очередь, и каждый получал по 2 початка. Иногда дедушка поручал нам помогать ему в саду. Мы ему, конечно, не отказывали, но большого энтузиазма к этим работам не проявляли. Нам поручали собирать смородину, кустами которой были обсажены все аллеи в саду. А сад у дедушки был огромный. У него его не отобрали, так как дедушка выращивал новые сорта фруктов и передавал свой опыт колхозам. Помогали мы ему и при сборе урожая других фруктов, особенно слив. Дедушка тряс деревья, а мы собирали осыпавшиеся фрукты. Мне теперь кажется, что таких сладких и ароматных слив, какие росли у дедушки в саду, я больше нигде не ела.

Начало войны

Вот и лето 1941 года, когда я окончила третий класс, ожидалось, что будет таким же. Но 22 июня началась война. Тут же после ее объявления мой дядя

Боря, закопав в саду все свои более ценные вещи, эвакуировался с семьей на восток. Так поступали многие евреи, отдававшие себе отчет в том, что с приходом немцев им не поздоровится. Но не у всех была такая возможность. А события развивались с неимоверной быстротой. Почему же нам не удалось эвакуироваться? Думаю, что тут было несколько причин. Дедушке, наверное, было очень трудно расставаться со своим садом, который он выращивал более сорока лет, и где каждое дерево было посажено его руками. К тому же его возраст не располагал к принятию быстрых решений. Мама тоже устала от скитаний между Одессой и Винницей, когда ей приходилось скрываться после ареста отца. В самом начале войны не хотелось верить, что немцы так быстро будут продвигаться вперед. Когда же стало очевидным, что события развиваются в неимоверно быстром темпе, наша семья решила эвакуироваться. Но не тут-то было. Для простых смертных, не занимавших видных постов, мест в поездах уже не хватало. Мы просидели несколько дней на вокзале, но так и не смогли уехать. Не смогла уехать и моя тетя Соня. И это самая трагическая страница в истории нашей семьи. Тетя Соня – самая старшая сестра моей мамы. Это была красивая и образованная женщина. Она окончила гимназию, затем вышла замуж. У нее было две дочери: Дифа и Мира. Старшая – Дифонька – была на редкость красивой. Ее портрет украшал выставку винницкого фотографа. Дифонька училась в Москве и там, будучи еще студенткой, вышла замуж за винничанина, очень способного молодого инженера Александра Лернера. У них было две дочурки: пятитилетняя Ингочка и трехлетняя Виточка. В начале лета Дифонька привезла их в Винницу к своей маме на дачу. Ведь по сравнению с Москвой Винница была действительно дачной местностью. И тут их застала война. Я никогда не забуду, с каким отчаянием тетя Соня металась по перрону, пытаюсь найти хоть кого-нибудь из родственников или знакомых, кто согласился бы взять с собой девочек и передать их в Москве матери. Но, увы, ее мольбам никто не внял, и ее отчаянные попытки так и не увенчались успехом. Выехать нам так и не удалось, за исключением моего брата Лени. Как говорится, нет худа без добра. Когда наша семья предпринимала тщетные попытки выехать из Винницы, Леня был с нами, но не один. С ним была девушка, за которой он тогда ухаживал. Ее звали Дина Вайнер. Атмосфера на перроне была настолько нервной, что один из маминых братьев чуть ли не устроил ему скандал: так трудно, мол, выехать, а ты еще привел с собой свою девицу. Леня обиделся, и они с Диной тут же покинули вокзал и ушли из Винницы пешком. По дороге, как рассказывал мне потом брат, им пришлось добираться на попутных телегах, военных грузовиках. В общем, они отступали вместе с Красной армией. Лене тогда было 18 лет, вскоре его взяли в армию, и Дина осталась одна. Она оказалась беременной и вскоре родила мальчика.

После тщетных попыток эвакуироваться мы возвратились на Старый город, а тетя Соня с мужем и внучками – на свою квартиру в Виннице.

Годы оккупации

Немцы продвигались на восток с головокружительной быстротой. Когда стало ясно, что они вот-вот войдут в Винницу и тут будут идти бои, вся наша семья и многие соседи решили на ночь спрятаться в большом подвале у соседа Шереметы. В этом подвале собралось не менее 50 человек. Все мы сидели в полной темноте и со страхом ждали прихода немцев. Под утро мы услышали немецкую речь: кто-то бил прикладом винтовки в дверь в подвал и что-то орал по-немецки. Люди перешептывались между собой, но кто-то из присутствующих призвал к тишине и сказал, что немцы могут подумать, что здесь спрятались советские солдаты и могут бросить гранату. Сразу же воцарилась тишина. И тогда первый раз в жизни мною овладело такое чувство страха, от которого стараешься втянуть голову в плечи. Но немцы двинулись дальше, и к утру, когда стало ясно, что фронт уже прошел через Старый город, все вышли из этого подвала. Винница была занята немцами. Поскольку у бабушки был один из самых приличных домов на Старом Городе, у нас поселился немецкий офицер. Дедушка говорил на идиш, а может быть, и немного по-немецки, и как-то он разговорился с этим офицером. Он рассказывал нам потом, что этот немец не одобрял отношения Гитлера к евреям. Помню, что дедушка был очень взволнован этой беседой, ведь он понимал, какая судьба ждет евреев и, возможно, в нем родился какой-то луч надежды.

Вскоре вышел приказ о том, что все евреи должны носить нашитую на рукав шестиконечную звезду. После этого мама, выходя на улицу, обычно набрасывала на себя большой платок, который прикрывал эту звезду, но вместе с тем как бы не нарушала этого приказа. Благо, такой платок носили в украинских деревнях многие женщины. Я хорошо запомнила этот темно-синий клетчатый платок, так как впоследствии он не раз спасал нас от холода, когда нам с мамой приходилось ночевать в лесу. Где-то в начале сентября, а может быть, чуть позже, немцы устроили в Виннице облаву на евреев. Они ходили из дома в дом и забирали, якобы на работы, мужчин и молодых женщин. На Старом городе немцы такой облавы не провели. Создалось впечатление, как вскоре оказалось, абсолютно ложное, что на Старом городе безопаснее. И моя тетя Соня со своим мужем Адей и внучками переехали к нам на Старый город. Это было приблизительно за неделю до «окончательного решения еврейского вопроса» в Виннице. В это время в нашей семье уже царил очень напряженная атмосфера. Помню, как пятилетняя Ингочка, сидя со мной на крыльце нашего дома сказала мне: «Майя, я так не хочу быть еврейкой». Мне было десять лет, но эта фраза

и печальное выражение ее лица мне запомнились на всю жизнь. Казалось, что она предчувствовала свою судьбу.

А теперь небольшое отступление. Я уже упоминала о том, что в доме дедушки жил дядя Боря с семьей, которому удалось эвакуироваться в первые же дни войны, и две комнаты, в которых он жил, были свободны. В это же время к нашей ближайшей соседке, ее на Старом городе звали Гирычка, приехала дочь Нюся с тремя детьми. Она жила во Львове, как только началась война, ее мужа взяли в армию, а она приехала к матери. У Гирычки был очень бедный маленький домик с соломенной крышей и глиняным полом, и дедушка предложил Нюсе с ее детьми поселиться в комнатах дяди Бори. Благодаря этому обстоятельству я и осталась в живых.

Обстановка была уже очень напряженной. На рассвете 29 сентября к нам прибегает встревоженный сосед и говорит, что в начале Старого города слышны крики. Немцы якобы ходят от дома к дому и забирают евреев. У нас в семье решили, что это, как было неделю тому назад в Виннице, немцы опять забирают молодых женщин и мужчин на работы. Мама попросила Нюсю взять меня к себе, а сама, накинув на себя платок, выскочила в сад. Скрылись в саду дедушка и муж тети Сони, Адя. Бабушка и Соня с внуками остались, решив, что пожилых женщин и детей на работы брать не будут. Нюся положила меня на ту же кровать, на которой спали ее трое детей. В это время вошли немцы в сопровождении украинского полицейского. Спросили Нюсю, какой она национальности? Нюся, перепуганная насмерть, ответила, что она украинка и дрожащими руками показала им свой паспорт. Немцы указали на детей, со мной их было четверо. Нюся ответила: это мои дети. Это был решающий для моей судьбы момент. Находчивость и смелость этой женщины спасли мне жизнь. Немцы вышли и направились в следующую часть дома, пристроенные комнату с кухней, где были бабушка и Соня с внуками. Через несколько минут их вывели, не позволив даже одеться. Я видела через окно, как их вели. Соня несла на руках младшую Виточку, которая была в одной рубашонке.

Нюся в этот же день вернулась в дом к своей матери, взяв меня с собой. Не помню, сколько дней я находилась у нее, ничего не зная о судьбе мамы, но думаю, не более двух-трех. В это время по Виннице поползли слухи, что немцы вывезли всех евреев в близлежащий лес, где была выкопана большая яма, и там их расстреляли. Люди рассказывали, что многие были лишь ранены, а многих детей вообще бросали живьем, и эта яма как бы дышала еще несколько дней. Через пару дней Нюся дала мне понять, что боится меня держать. Мне ничего не оставалось делать, как направиться на поиски мамы. Я решила искать ее у ее ближайших подруг. Сначала я пошла к Марусе Хомичук, одной из близких маминых подруг, которая жила на Старом городе. Придя к ней, я спросила, нет ли у нее мамы, и она с перепуганным лицом ответила, что ей

ничего неизвестно. Я двинулась дальше по направлению к городу и не помню уже, к кому заходила, но нигде так и не нашла мамы. Так я обошла чуть ли не всю Винницу, и уже стало смеркаться. Несмотря на свои десять лет я понимала, что Нюся меня не хочет больше держать, и не знала, куда мне деваться. Помню, как, спускаясь по улице, ведущей к мосту на Старый город, я остановилась у парка и стала плакать от отчаяния и безвыходности создавшегося положения. С наступлением полной темноты мне стало настолько страшно, что я, не найдя другого выхода, решила вернуться к Нюсе. Там, к моей огромной радости, меня ждала мама. Она уже очень волновалась, что меня так долго нет, так как знала, что я ушла еще утром. Оказалось, что мама была именно у Маруси Хомичук, но та побоялась мне об этом сказать, опасаясь, очевидно, не станет ли это известно посторонним.

Мама взяла меня, и мы отправились обратно к Марусе Хомичук. В то же время мама узнала, что дедушке также удалось избежать облавы, и он скрывается на чердаке у своего ближайшего соседа. Маме еще удалось повидаться с дедушкой, но через несколько дней она узнала, что он повесился в своем любимом саду на посаженной им же груше. Вынул дедушку из петли и похоронил его ближайший друг Петр Андриевский. Видимо, сосед, у которого дедушка скрылся во время облавы, отказался его держать. Но, возможно, дедушка решил покончить жизнь самоубийством не только из-за отчаяния и безвыходности положения, но и чувствуя себя виноватым в том, что он притормозил выезд своей семьи.

Так вот, когда мама дождалась моего возвращения поздним вечером к Нюсе, она взяла меня, и мы вернулись к ее подруге Марусе Хомичук. Но там мы пробыли всего несколько дней. Маруся боялась держать нас дольше, ведь у нее было двое детей и вполне понятно, что она не хотела рисковать. Не помню, было ли в то время уже известно, что за это грозит расстрел, но все уже знали, что евреев расстреляли в лесу под Винницей, и можно было не сомневаться, что за спасение евреев не поздоровится. Несколько дней нам еще удалось провести у Маруси, но на ночь мы уходили в лес. Это уже был октябрь, по ночам становилось холодно, и помню, как мама прикрывала меня платком, который она успела накинуть себе на плечи, когда на рассвете скрылась от немецкой облавы. Мама понимала, что так мы долго не продержимся и надо искать убежище. Мама нашла на Старом городе еще одну свою подругу, которая согласилась нас взять к себе. Поскольку у нее был ребенок лет шести, и он мог проговориться соседям, она нас поместила в темном коридоре, куда никто не заходил. Помню, как я целыми днями лежала там на полу, слыша голоса игравших во дворе детей. С одной стороны, мне, конечно, очень хотелось бы быть с ними, но мне тогда было уже десять лет, и я хорошо понимала, почему мы прячемся. И когда через две-три недели этот ребенок нас обнаружил,

нам надо было оттуда уходить. Но мне очень не хотелось покидать это столь неуютное место, так как я понимала, что каждое наше передвижение связано со смертельной опасностью. Ведь на Старом городе нас знали.

У моей мамы всегда было много приятелей и не только среди евреев. Она обратилась за помощью к своей приятельнице Оле (фамилии ее я не помню), которая жила по ту сторону Южного Буга, т.е. в самом городе Винница, но тоже в маленьком односемейном доме. Насколько помню, это была интеллигентная женщина средних лет, с интересной внешностью. Она жила не одна, а со своей племянницей, у которой был грудной ребенок. Муж этой молодой женщины был летчиком и погиб в самом начале войны. И это уже было им известно. Но обе женщины быстро приспособились к новым условиям. У них стали бывать немецкие офицеры. Именно поэтому у них до поры до времени было для нас безопаснее, чем в другом месте. Мама выступала там в роли домработницы, готовила к ужину, подавала к столу. Меня, с моим еврейским лицом, конечно, не показывали. Но такая обстановка, конечно, была все же рискованной, а к тому же становилась невыносимой. Я, несмотря на свои десять лет, не могла понять, как же эта молодая женщина, потерявшая несколько месяцев назад мужа, может развлекаться с немцами?

Казалось, что мама уже использовала все возможности, т.е. пыталась прятаться у тех своих подруг, которые, конечно, соглашались идти на такой шаг. Больше обращаться было не к кому. И тут мама сделала еще одну отчаянную попытку. Но сначала небольшое отступление. Как я уже упоминала вначале, мой брат Леня ухаживал за девушкой, с которой они и успели уйти пешком из Винницы перед тем, как туда вошли немцы. Ее отец Илья Борисович Вайнер был до войны директором аптеки. Ее мать умерла уже несколько лет тому назад. Эта аптека находилась вблизи домика маминой приятельницы Оли, у которой наше длительное пребывание уже становилось опасным. Очевидно, мама решила пойти в эту аптеку и узнать о судьбе Ильи Борисовича. Оказалось, что ему тоже не удалось эвакуироваться. Во время облавы немцев на винницких евреев его спрятала у себя уборщица этой аптеки Марфуша. Эта женщина вполне заслужила, чтобы назвать ее героиней. Она не только спасла его в первые дни, как это сделали и мамины друзья, но продержала Илью Борисовича все три года в подвале, который находился под полом ее комнаты. А комната эта была расположена тут же за аптекой и была как бы частью небольшого аптечного склада. Как это обычно бывало тогда в небольших домах на Украине, такой подвал под жилым помещением служил своего рода холодильником. Летом там было прохладнее, чем в комнатах, и в нем можно было хранить продукты. А спуститься в такой подвал можно было по лестнице, приставленной к отверстию в полу, которое прикрывалось крышкой. Вот в таком подвале и провел Илья Борисович три года. Ночью он поднимался

в комнату, где летом можно было посидеть у открытого окна, но во двор он за это время ни разу не вышел.

И вот когда мама пришла к Марфуше, та ей все рассказала. Мало того, она согласилась приютить и нас в этом же подвале. Помню, что когда мы спустились туда по лестнице, и я увидела там маленького человека с длинной черной бородой, то мне стало не по себе. Но я, конечно, поняла, что при таком образе жизни Илье Борисовичу незачем было бриться. Не знаю, как там было, то ли Марфуше не под силу было держать у себя нас всех, ведь нас еще надо было бы и кормить, то ли мама понимала, что это не выход из положения, но пробыли мы там недолго.

Однако деваться нам в Виннице уже было некуда и надо было уезжать. Ведь мама не могла показаться на улице, ее могли узнать. Но для переезда в другое место нужны были документы, в которых в графе национальность было бы написано «русская». И маме посоветовали пойти на такой шаг: подать в полицию заявление, что в самом начале войны она отдала свой паспорт на обмен и не успела получить новый. Такие случаи якобы тогда бывали. Но для получения паспорта на таком основании надо было представить пятерых свидетелей. И тут, насколько я помню, были затруднения. Трех мама нашла сразу – это были Маруся Хомичук, Оля, у которой мы тогда находились, и ее племянница. Нужно было еще двоих, и мама сумела их найти. Не помню, возможно, за деньги, но так или иначе паспорт был получен, а в нем указано: русская, православная. Из остальных данных было изменено только отчество с Моисеевны на Михайловна. Ну и меня вписали не как Майю, а Марию. Так я стала Марусей.

С этим паспортом мы и двинулись в путь. И тут еще одно событие, свидетельствующее о смелости моей мамы. Наш дедушка был человеком небогатым, но, как большинство евреев, любил отложить кое-что, как говорилось, на «черный день». И, как у человека предусмотрительного, у него это были не бумажные деньги, а золотые «пятерки». Когда вошли немцы, он закопал их в саду неподалеку от дома и показал маме это место. И вот когда нам надо было двигаться из Винницы, мама решила пойти и выкопать эти драгоценные монеты. А в доме дедушки к тому времени уже поселились немцы. Но мама отважилась, пошла ночью в сад и откопала эту коробочку.

Скитания по Украине

Итак, мы двинулись в путь. Сначала это было Погребище, где нас приютила родственница Оли. Я этот период помню плохо, возможно, и потому, что мне нельзя было выходить на улицу, чтобы меня не увидели соседи. С мамой было всегда несколько проще, так как мама была «не похожа» на еврейку. Еще и после войны случилось маме услышать «комплимент»: «Зина, ты совсем не

похожа на еврейку», или «у тебя хорошая внешность». Была уже зима, детей у нашей хозяйки не было, да я уже, по-видимому, и привыкла жить в уединении. Ведь главное было, чтобы меня никто не увидел. Мы там пробыли, наверное, пару месяцев. И вот однажды там натопили в печке и слишком рано закрыли вытяжную трубу. В результате я угорела до такой степени, что потеряла сознание. Мама в испуге вынесла меня во двор. Это случилось днем, и всю сцену увидели соседи, а это означало, что надо опять менять место нашего пребывания. Ведь если соседи заподозрят, что здесь скрывают евреев, то хозяевам может не поздоровиться. И мы опять двинулись в путь. Помню, добрались мы до Казатина, а оттуда никак не могли, а может быть, нам и некуда было уехать. Сидели мы пару дней на вокзале, меня мама обычно сажала в угол потемнее, закутывала лицо в платок. Так, чтобы как можно больше прикрыть мое еврейское лицо. Наконец нас заметил и пригласил к себе какой-то железнодорожник. То ли сжалился над женщиной с ребенком, то ли по другой причине. Во всяком случае, я помню, что когда мы вошли в его кухню, мне показалось, что я попала во дворец. В кухне было светло и тепло. А мне уже давно не приходилось бывать в светлых помещениях, ведь обычно меня прятали в темных углах. К тому же в этой кухне на большой плите жарились блины. Это было время масленицы. И нас, конечно, угостили блинами. С тех пор я всегда отмечаю масленицу, приглашаю гостей и поднимаю тост за казатинского железнодорожника. К сожалению, не знаю его имени, как и многих других людей, оказавших нам сочувствие в это трудное время.

В Казатине, насколько помню, мы долго не задержались. Целью нашего путешествия был переход на территорию, которая находилась не под немецкой, а под румынской оккупацией. Ходили упорные слухи о том, что румыны не прилагают особых усилий по вылавливанию случайно уцелевших евреев. Не помню уже, в какой деревне, но мама нашла крестьянина, который на своей телеге перевез нас ночью на территорию, находившуюся под управлением румын. В конце концов, где-то весной 1942 года мы оказались в Вапнярке. Мама устроилась там домработницей в семье железнодорожника, у жены которого приближались роды. Помню, в каком ужасе я провела ночь, слыша душераздирающие крики этой роженицы. Но все кончилось благополучно, ребенок пришел на свет, и мама, конечно, принимала участие в этом событии. Несколько позднее мама сняла поблизости комнату и продолжала работать в этой семье. В создавшейся ситуации уже не было возможности меня прятать, и несмотря на свою еврейскую внешность я стала вести более-менее нормальную по тем временам жизнь деревенской девочки. У меня даже появились подружки, с которыми я играла во дворе. Это было лето, и о школе, конечно, не было и речи. Впрочем, не знаю, были ли вообще в то время школы. В Вапнярке мы прожили несколько месяцев, и там мама познакомилась

с женщиной, благодаря которой мне, по всей вероятности, и удалось уцелеть. Ее звали Анна Семеновна Михеева. Она приехала в Вапнярку из Одессы вместе со своей ближайшей подругой, которую звали Линда. Мама сразу же по внешнему виду Линды поняла, что она еврейка. Анна Семеновна, увидев меня, также угадала, кто мы такие. Она рассказала маме, что у Линды на глазах немцы убили ее мать. Ей каким-то образом удалось избежать гибели, но она была в состоянии крайнего нервного потрясения. Анна Семеновна решила, что Линду необходимо вывезти из Одессы. Они приехали в Вапнярку, возможно, там были у них знакомые, и когда Линда немного пришла в себя, Анна Семеновна устроила ее, а она была преподавательницей немецкого языка, переводчицей, в стоявшую там немецкую часть. Иногда именно такие отчаянно смелые, а иногда казавшиеся безумными, шаги помогали выжить. И тут начинается история, которая может показаться неправдоподобной.

В этой части служил немецкий капитан. Я его почему-то хорошо запомнила. Небольшого роста с лицом интеллигента. Он влюбился в Линду, а она, очевидно, в него. Когда эту часть перевели в другое место, Линда поехала вместе с ними. О ее дальнейшей судьбе будет немного позже.

Перед своим возвращением в Одессу Анна Семеновна сказала моей маме: «Вам вместе с Вашей девочкой будет трудно уцелеть, если хотите я могу взять ее к себе в Одессу». И мама согласилась. Но тут возникла проблема с документами. Я была вписана в мамин новый, по сути дела фальшивый, паспорт, но никакие других документов у нас, конечно, не было. И был найден такой выход. В советские времена большинство детей не были крещеными. Вполне понятно, что на оккупированных территориях, где тут же были открыты многие церкви, многие бабушки потребовали, чтобы их внуков крестили. Так что в то время вполне обычным явлением было крещение чуть ли не взрослых детей. Окрестили и меня. Я даже помню, что когда, очевидно, согласно обряду, меня надо было приподнять над землей, то старичок-батюшка еле с этим справился. Но главная цель была достигнута, и у меня появился соответствующий документ. С этим документом я отправилась в Одессу. А по дороге произошел случай, который я помню, как будто это было вчера. На одной из станций в поезд вошел румынский полицейский. Проходя мимо, он посмотрел на меня и сказал что-то в таком роде: «А ты, еврейский ребенок, что тут делаешь?» и, задумавшись на минутку, добавил: «Я сейчас за тобой приду». И пошел дальше. Не могу, правда, вспомнить, почему в этом вагоне не было со мной Анны Семеновны. Возможно, в поезде было много народу, и поэтому Анна Семеновна находилась в другом вагоне. Но я не знала, где ее искать. Помню, что я очень испугалась, ведь я уже хорошо понимала, чем это грозит, и мой мозг стал судорожно искать выход из положения: оставаться на месте? – полицейский сказал, что придет за мной, выйти на ближайшей станции? – могу потеряться;

идти искать Анну Семеновну? – могу наткнуться на того же полицейского. В общем, я не знала, что мне делать. И тут в порыве отчаяния я стала просить о помощи Бога. Я, конечно, воспитывалась в атеистической атмосфере, но от своей подружки в Вапнярке узнала, что ее бабушка учит ее молиться Богу. Вот и в минуту отчаяния, поняв, что помощи мне ждать неоткуда, я, видно, решила обратиться к Богу. Но, короче говоря, полицейский за мной не пришел. Возглас «Еврейский ребенок» вырвался у него непроизвольно, и у него, очевидно, не было намерения вылавливать недобитых еврейских детей. Тут и подтвердились разговоры о том, что румыны более халатно относятся к уничтожению евреев, чем немцы. Но в то время я искренне поверила, что это Бог услышал мою молитву. И когда я жила у Анны Семеновны, то первое время по утрам молилась Богу, что вызывало ее легкое недоумение, а часто и насмешку.

Одесский период

Итак, мы прибыли в Одессу, где у Анны Семеновны была, по моим понятиям, шикарная квартира. Более того, она находилась в одном из наиболее престижных районов Одессы: на углу улицы Гоголя и Сабанеева Моста, рядом со знаменитой консерваторией имени Столярского. В квартире было пять комнат, кухня, ванная. А получила она эту квартиру от немцев. Перед войной Анна Семеновна жила также в прекрасном доме, но там у нее была лишь одна комната. Этот дом заняли немцы под какое-то важное учреждение, а жильцам предоставили взамен другие квартиры. Жилья в то время в Одессе было достаточно. Не помню точно, принадлежала ли Анна Семеновне вся квартира или только ее главная часть, т.е. две большие комнаты и кухня с находившейся за ней маленькой комнаткой, предназначенной для прислуги. В квартире были еще две небольшие комнаты, но их окна выходили на так называемый «колодець». В одной из них жила одинокая женщина, имени ее я не помню. Она была молчаливой, не вступала в разговоры, и соседи подозревали ее в том, что она работает в румынской сигуранце. Во второй комнате жила Теофилия Филипповна, которую я хорошо помню. Это была тоже одинокая женщина, но открытая, приветливая и относилась ко мне с большой теплотой. До войны она работала главной хозяйкой одной из самых шикарных одесских гостиниц, которая находилась на Приморском бульваре. Помню, как Теофилия Филипповна учила меня стирать, гладить и прочим домашним занятиям. По национальности она была полькой и часто, особенно во время праздников, брала меня с собой в костел. Бывало, что она меня угощала обедом, а ее супы казались мне тогда особенно вкусными. Возможно, так было потому, что в первое время моей жизни у Анны Семеновны мы питались более чем скромно, к тому же моя опекунша не любила готовить. Теофилия Филипповна, очевидно, это заметила и решила меня подкармливать. Не исключено, что она подозревала, о моем происхождении и тоже как бы решила облегчить мою

участь. Я часто задаю себе вопрос: что думали обо мне соседи? Ведь у Анны Семеновны я фактически жила открыто. И как это ни странно, но я не помню, какая же история моей судьбы была представлена соседям. Ведь они знали, что я не дочь Анны Семеновны. Мне хорошо запомнился один момент. Однажды приходит к нам соседка и спрашивает, не может ли Анна Семеновна нарезать ей курицу? Я не могу, – сказала она, но это может сделать моя Марусенька, то есть я. Я пришла в ужас, но не могла отказаться от этого поручения. К счастью, я видела, как это делала когда-то наша соседка, и мне ничего не оставалось, как взять эту несчастную курицу, пойти в сарай и там ее нарезать. Когда соседка ушла, Анна Семеновна объяснила мне свое столь неожиданное решение тем, что, выполняя такое поручение, я развею подозрения в том, что я еврейский ребенок. Подозрения такие, наверное, были, разговоры об этом в нашем доме, наверное, ходили, но, к счастью, меня не только никто не выдал, а наоборот, ко мне хорошо относились.

Первая зима в Одессе была нелегкой. У меня не было теплой одежды, Анна Семеновна не работала, и у нее, очевидно, было туго с деньгами. Во всяком случае, питались мы в основном галушками из темной муки. А может быть, просто этим ограничивались кулинарные способности Анны Семеновны. Она действительно не любила готовить. Но потом наша ситуация явно улучшилась. Анна Семеновна устроилась на работу преподавательницей химии в новой гимназии. Ее организовала приехавшая из Румынии дама, представительница «белой эмиграции». В эту гимназию в первую очередь принимали детей, чьи родители пострадали от советской власти. Анна Семеновна кроме преподавания химии была еще и классной руководительницей выпускного класса. Я пока сидела дома, так как, видимо, меня все же не следовало было показывать более широкой публике.

Мама в это время перебралась из Вапнярки в Котовск, который тогда назывался Бирзулой. Это была узловая железнодорожная станция, и мама устроилась там домработницей у румынского служащего. Более того, она приезжала в Одессу, чтобы повидаться со мной, но никогда не приходила к Анне Семеновне, а останавливалась в другом конце Одессы, вблизи Привоза. Я ходила на свидание с мамой сама, чуть ли не через всю Одессу. Возможно, в первое время Анна Семеновна ходила со мной, а одна я стала совершать эти путешествия позже, просто мне хорошо запомнилось, как я ходила туда одна. Мама, конечно, давала Анне Семеновне деньги на мое содержание. Даже в таких условиях мама сумела найти способ, чтобы заработать. Приезжая в Одессу, она покупала на небольшой частной фабрике конфеты, возила их в Бирзулу и там продавала. Это у мамы называлось «оправдать дорогу».

Летом 1943 года произошло событие, которое до сих пор вызывает у меня целый ряд вопросов, на которые я так и не могу найти ответа. Однажды

раздается звонок. Анна Семеновна подходит к двери, но приоткрывает ее, оставляя на цепочке. За дверью стоит молодой незнакомый мужчина, который слегка таинственным голосом тихо произносит: «Вам письмо от Линды». Причем мужчина говорит по-русски с иностранным акцентом. Анна Семеновна, конечно, с радостью открывает ему дверь, ведь у нее не было никаких вестей от Линды с тех пор, как она покинула Вапнярку. Действительно, в руках незнакомого мужчины было письмо от Линды. Я, к сожалению, не помню, что было в этом письме. Анна Семеновна пригласила гостя посидеть, они разговорились. Мужчина был из Польши, он сказал, что приехал в Одессу временно по делам, причем не один, и спросил, не может ли у нас остановиться? Анна Семеновна, конечно, согласилась. И вот на следующий день он поселился в одной из свободных комнат, и к нему стали приходиться его напарники. Это были в основном молодые люди и некоторые из них были одеты в немецкую военную форму. Нам это показалось странным, но вопросов мы не задавали. Через несколько дней наши гости уехали. Прошло некоторое время, и они вновь появились и вновь попросили разрешения пожить у нас пару дней. Не помню, привезли ли они и на этот раз новые вести от Линды, но Анна Семеновна опять их приняла. На этот раз у нас поселился пожилой мужчина, который в основном сидел дома. Помню, как вечерами он приходил к нам на кухню и подолгу беседовал с Анной Семеновной. Не помню, как долго он пребывал в нашей квартире, но думаю, что не больше недели. Через несколько дней после его отъезда мы заметили, что за нами следят. Причем слежку эту вели довольно открыто. Под балконом целыми днями выстаивал сыщик, и как только я или Анна Семеновна куда-нибудь выходили, он отправлялся вслед за нами. Это было очень неприятное чувство, но мы ничего не подозревали. И вот однажды ночью к нам в квартиру врывается с обыском румынская сигуранца. Ничего не обнаружив, они все-таки арестовывают Анну Семеновну. Я, с нетерпением дождавшись утра, отправляюсь к ближайшей приятельнице Анны Семеновны, которая жила довольно далеко от нас. Я рассказываю ей обо всем происшедшем и прошу приготовить мне передачу для Анны Семеновны, которую, как я тогда считала, я должна обязательно навестить. Ведь я обязана ей жизнью, думала я, ведь не могу же я оставить ее в беде. До сих пор не могу понять, как эта женщина могла позволить мне отправиться в сигуранцу. Неужели она не догадывалась о моем происхождении? Ведь она была так близка Анне Семеновне. Но она не возразила, а приготовила мне небольшой пакет с едой, и я пошла. Там меня пригласили, судя по кабинету, к какому-то высокопоставленному лицу. Он просмотрел принесенную мной передачу, вернул мне вилку и нож, сказав, что это не разрешается передавать заключенным, а еду оставил. Насколько помню, этот офицер был со мной очень любезен, возможно, надеялся получить от меня дополнительную информацию.

Не помню его вопросов, но они были связаны с пребывавшими у нас недавно гостями из Польши. Как видно, сигуранца не имела намерений заниматься моей особой, даже если догадывалась, кто я такая, и я отправилась обратно к приятельнице Анны Семеновны. Я понимала, что одна жить я не смогу и тут же пошла на квартиру, где я встречалась с мамой. Там я передала маме в Бирзулу эту тревожную новость. Потом мама рассказывала, как она пришла в ужас, получив это сообщение, и немедленно отправилась в Одессу. Но вся эта история с арестом закончилась довольно неожиданно. Буквально на следующий день поздним вечером Анну Семеновну освободили и даже привезли домой. До сегодняшнего дня не могу догадаться, чем все это объяснить. Анна Семеновна рассказывала потом, что в сигуранце ее допрашивали и просили рассказать, что ей известно об остановившихся у нее мужчинах. Она также считала, что в это же время в сигуранце находился человек, который жил у нас последним. С ним-то Анна Семеновна и вела долгие вечерние беседы. Она также подозревала, что он еврей. Более того, она утверждала, что слышала крики, когда его пытали. То ли в сигуранце поняли, что она не имела ничего общего с этими людьми, то ли она обещала с ними сотрудничать? Есть еще один вариант. Я еще не рассказала о том, что в Одессе жила родная сестра Анны Семеновны. Это была уже не молодая, но очень красивая женщина. У нее было интеллигентное лицо, она следила за собой и прекрасно одевалась. В общем, у нее был вид настоящей дамы. Анна Семеновна как-то сказала мне, что ее сестра – любовница румынского прокурора Одессы. Поэтому возможно, что освобождению Анны Семеновны способствовала ее сестра. Но, так или иначе, вся эта история до сих пор остается для меня загадочной.

Осенью 1943 года Анна Семеновна решила, однако, записать меня в гимназию, где она работала. Наверное, это было согласовано с мамой. И не известно, что было бы опаснее: оставлять меня дома, что возбудило бы вопрос у соседей – почему этот ребенок не ходит в школу, если Михеева там работает, или ходить в школу, где я была бы выставлена напоказ множеству людей. И выбран был второй вариант. Меня записали в первый класс, для чего перед этим надо было закончить четыре класса обычной школы, а я до войны окончила лишь три. Но я, очевидно, легко справилась с программой, так как не помню, чтобы у меня возникали какие-либо проблемы с учебой. К тому же, я была так счастлива, что наконец-то могу ходить в школу, быть со своими ровесниками, что с радостью училась. Из всех предметов мне лучше всего запомнились уроки религии. Возможно, потому, что это было для нас новинкой. И хоть к тому времени моя вера в Бога, возникшая у меня после счастливого завершения инцидента в поезде, прошла, помню, что уроки религии я посещала охотно. Но, конечно, такая открытая жизнь также была чревата опасностями. Такой пример. У Анны Семеновны была приятельница, намного младше ее,

одна из ее бывших учениц. Она была художницей. И вот однажды она обращается к Анне Семеновне с просьбой: не соглашусь ли я ей позировать, так как она пишет картину на религиозную тему и ей нужны для этого еврейские лица, а моя внешность, считала она, очень для этого подходит. Мы, конечно, пришли в ужас и стали ее разубеждать в этом. Но на всякий случай, чтобы отказ не вызвал у нее подозрений, после этого инцидента меня положили на несколько недель в больницу, благо у Анны Семеновны была знакомая врач.

Между тем Анна Семеновна решила сдать одну из своих двух больших комнат румынскому офицеру, очевидно, чтобы подкрепить свою финансовую ситуацию. Помню, как мы приводили ее в порядок, натирали паркетный пол и прочее. У нас поселился румынский майор, у которого был денщик. С последним у нас установились чуть ли не дружеские отношения, и он часто заглядывал к нам на кухню. А майор не терял времени даром. Каждый вечер к нему приходила молодая, красивая женщина. Причем в понедельник это была одна дама, по вторникам другая и т.д. И так целую неделю, а дирижировал всем этим парадом его денщик. И вот однажды он приходит к нам с коробкой конфет. Оказывается, к майору в гости приезжает жена из Бухареста, а по словам денщика, это очень богатая и влиятельная дама. Так вот, он убедительно просит нас не проговориться о том, что ее мужа посещают другие женщины. Мы, конечно, и не собирались этого делать. Впрочем, супруга майора не очень-то и уделяла нам внимание. Между прочим, и сам майор перед приездом супруги стал с нами очень вежлив. И вообще с тех пор, как с фронта стали приходить плохие вести, т.е. становилось ясным, что немцы и их союзники войну проигрывают, наши жильцы стали с нами обходиться более вежливо. Впрочем, румыны вообще, насколько я помню, не отличались грубостью. Конечно, до поры до времени, пока человек был вне подозрений.

Освобождение Одессы

С началом весны 1944 года стало ясно, что немцы отступают. Для нас освобождение от немецкой оккупации означало возврат к жизни. Не помню уже, откуда мы черпали эти сведения, ведь радио на коротких волнах слушать в те времена не разрешалось. И вообще не помню, чтобы у нас в доме было радио. Но, видно, находились люди, которые, несмотря на запрет, слушали передачи и потом делились полученными ими сведениями. И когда в конце марта стало ясно, что фронт приближается к Одессе, мама покинула Бирзулу и приехала к нам в Одессу. Она боялась, чтобы мы с ней не оказались по разным сторонам фронта. Буквально за неделю до освобождения Одессы мама уже открыто появилась в квартире Анны Семеновны. Очевидно, она уже не опасалась, что кто-то донесет на нас в преддверии прихода советских войск. С приближением фронта одесситы стали опасаться, что немцы перед уходом могут

взорвать знаменитый Одесский оперный театр, которым они очень гордились. И у здания театра все время стояла толпа людей, чтобы в случае пожара его тушить. И вот, когда по поведению румынских и немецких властей стало ясно, что их дни, а может быть, и часы пребывания здесь уже сочтены, жители нашего дома, который прилегал к зданию, где жил румынский губернатор, и напротив которого находилась немецкая казарма, опасаясь бомбежки, решили уйти подальше. Мы скрылись в бомбоубежище дома, стоявшего неподалеку на соседней улице. В этом бомбоубежище собралось тогда много народу. Мы просидели там всю ночь, а на рассвете 10 апреля 1944 года в Одессу вошли советские войска. Помню, с какой радостью мы их встречали. Ведь для нас с мамой это означало возвращение к жизни. Я также помню усталые, но в то же время радостные и приветливые лица наших солдат. Они действительно были нашими освободителями.

Как только вошли советские войска, мы тут же вернулись в квартиру Анны Семеновны в доме на улице Гоголя. Он, вопреки нашим опасениям, серьезно не пострадал. В один из его углов попал небольшой снаряд, разрушив лишь одну квартиру. Но как бы по иронии судьбы, в дом, в бомбоубежище которого мы прятались, попала бомба. Она пробила все этажи и разорвалась в квартире первого этажа, куда принесла все свои драгоценности бабушка моей подруги. Тут я должна сделать небольшое отступление. Живя в Одессе, я подружилась с жившей по соседству моей ровесницей. Звали ее Надя, фамилии я, к сожалению, не помню. Она жила в доме напротив, с которого, насколько я помню, начинается улица Сабанеев Мост. Как рассказала мне Надя, этот дом когда-то принадлежал ее дедушке. После революции дом у него отобрали, но оставили ему большую квартиру на первом этаже. Я часто у них бывала. Вообще, Надя с родителями жила в Ленинграде, но на лето ее привозили в Одессу. Летом 1941 года ее там застала война, и Надя оказалась отрезанной от своих родителей. Она жила у дедушки с бабушкой, которая выглядела намного моложе своего мужа. По словам Нади, это была вторая жена ее дедушки, которая когда-то была не то певицей, не то танцовщицей в каком-то кафе-шантане. Так вот, эта бабушка собрала в чемодан все семейные драгоценности и, поскольку в соседнем с ними доме находилась немецкая казарма, они также в преддверии входа советских войск решили спрятаться в том же бомбоубежище, что и мы. Так вот бомба, о которой я упомянула выше, как раз и разорвалась в той квартире, где находился их чемодан. Но о самом большом горе, постигшем Надю, она узнала чуть позже: ее родители погибли во время блокады Ленинграда.

Возвращаясь к дому Надиного дедушки, хочу отметить, что моя мама и тут проявила организаторские способности. Немцы, отступая, подожгли соседнюю к нему казарму. От этого пожара загорелся и верхний этаж этого дома. И помню, как моя мама, будучи там совершенно новым, никому незнакомым

человеком, установила цепочку людей, которые передавали друг другу наверх ведра с водой. И таким образом пожар был потушен.

После освобождения Одессы я тут же побежала во Дворец пионеров. Он помещался, насколько я помню, в бывшем Воронцовском дворце на Приморском бульваре. Видно, у меня остались очень приятные воспоминания о любительском спектакле в моей довоенной школе, в котором я принимала участие. Я тут же записалась в драматический кружок. Но после освобождения Одессы мы там пробыли недолго и в середине мая отправились в Киев, который был освобожден ранее Одессы, еще в начале ноября 1943 года. Мама, очевидно, узнала, что туда уже вернулся один из ее братьев, который по состоянию здоровья был освобожден от службы в армии. Я помню, какое страшное впечатление произвел на меня полностью разрушенный Крещатик, ведь Одесса, к счастью, пострадала в значительно меньшей степени. Там мы сняли комнату в отдаленном тогда районе города, на Сталинке. В Киеве мы прожили несколько месяцев и осенью вернулись в Винницу, в дом бабушки. Туда же постепенно стали возвращаться из эвакуации уцелевшие члены семьи Бриков и их многочисленные родственники. Они почему-то возвращались не на места своего довоенного постоянного жительства, в основном в Одессе, а к нам в Винницу. Помню, что сначала эта обстановка пришлась мне совсем не по душе. Во-первых, возвращение в бабушкин дом на Старом городе напоминало о недавно пережитой там трагедии. Во-вторых, три года, прожитые под немецкой и румынской оккупацией, очевидно, повлияли на мою психику. Мне ведь тогда было всего тринадцать лет, и в моем подсознании слишком глубоко засела мысль, что быть еврейкой опасно для жизни. А тут вся обстановка напоминала мне об этом. Я заявила маме, что хочу остаться при своем новом имени Маруся и вообще не хочу жить в еврейском окружении. К счастью, это мое ощущение длилось недолго, и вскоре все встало на свои места. Я пошла в школу, в 6-й класс, хоть до войны закончила третий и лишь полгода проучилась в первом классе одесской гимназии. Но с учебной проблем не было. Обстановка в школе была тогда весьма свободной, парт не было, ученики сидели за маленькими столами, но для всех мест за ними не хватало и часть сидела под стенами на полу. В Виннице нам пришло радостное известие о том, что мой брат Лёня жив, хоть и был дважды ранен. Вскоре в Винницу вернулась и его невеста Дина Вайнер с трехлетним их сыном Аликом. Когда я его увидела, то мне показалось, что на меня смотрит мой брат, до такой степени он был на него похож. В общем, жизнь в Виннице потекла своим чередом, конечно, в военное время трудным, но нам с мамой она казалась нормальной, ведь нам уже не надо было скрываться. А главное, что вселяло в нас оптимизм, так это то, что с фронта приходили хорошие вести: наши войска продвигались на запад. В Виннице мы и дождались окончания войны. На всю жизнь мне запомнился День победы. Это был самый большой праздник в моей жизни.